

ГАСТРОЛИ
МХАТ
В КИЕВЕ

СОВРЕМЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТИ

Кто видел народного артиста СССР А. Грибова в роли старого рабочего Шилова («Точка опоры» С. Алешина), — тот не мог не быть признателен актеру за талантливое исполнение важной роли. Да, это не примелькавшийся стандартный изобразитель из тех называемых производственных пьес, который только тем и занимается, что бесконечно и назойливо толкует о фрезе, резце, или какой-нибудь иной усовершенствуемой детали.

И Шилову не дает покоя выбранный фрезой. Но при всем том, он — живая, полнокровная личность, человек со своим особым складом ума и чувств, со своим неповторимым характером. Современность образа не в том, что Шилова склонен к изобразительству (сколько талантливых самоучек из народа было и в дореволюционное время!), а в его моральном облике — истинной коллективистской психологии, прямоте, бескомпромиссности, пролетарском гуманизме. Духовный и душевный мир Шилова проявился в его взаимоотношениях с сыном Андреем, невесткой Катей, ее отцом, давнишним другом Левшиным (С. Блининым), с первой любовью сына — Ольгой, с незадачным председателем цехкома и другими действующими лицами. Все это прекрасно показано актером, набого обогатившим драматургический материал.

Нашли убедительную психологическую характеристику и некоторые другие персонажи из рабочих. Впрочем, это и не удивительно. У михалочев давний опыт работы над подобными ролями. Уже в первые годы своего существования театр создал великолепные образы переделовщиков пролетариев в «Мещанинах» М. Горького. Затем следовали «Враги», исполненные пафоса борьбы труда с капиталом. Рабочая среда изображена и в погондинской трилогии о Ленине, а михалочевские романы Г. Николаевой «Битва в пути» и, наконец, в одной из последних постановок театра, в пьесе «Точка опоры».

Драматург все делал для того, чтобы придать своему произведению современное звучание. Это сказывается как в содержании пьесы — ее драматическом конфликте, обстоятельствах и героях, так и в форме изложения. Отсюда и модный нынче, надо сказать уже надоевший персонаж «От автора» (И. Кудрявцев), иллюстративные наплывы к тому подобным сценам, выдаваемые за новаторство.

К сожалению, главное, что в художественном произведении выражает новаторство — проблематика, — увы, не такая уж современная в пьесе Трактующая в ней тема уже не раз была использована в советской драматургии, притом десятилетия тому назад. В самом деле, против чего напав на обличительный пафос автора? Против молодого Шилова, получившего за свой трудовой подвиг широкую известность, но впоследствии забывшегося, оторвавшегося от коллектива, потерявшего точку опоры в

жизни, под которой подразумевается идейное начало в деятельности советского человека. Да, бывает, когда толпились лютый знатный труженик, сбивший толку неумными советчиками, больше возмущает и представляется, чем работает; начинает нарушать нормы советской этики и в общественной и в личной жизни, и то, что добыто общими усилиями, присписывает одному себе, так сказать, пожинает плоды чужого труда; начинает верить в свою исключительность и непогрешимость. Такое давало себя знать особенно в период культа личности, скрытого и решительно осужденного партий.

Но нечто подобное мы уже видели на сцене в спектакле «Кандидат партии» А. Крона. Более того, тридцать лет тому назад в популярной комедии украинского драматурга И. Микитенко «Девушки нашей страны» тоже фигурировал герой — бригадир строительно-бригады, осуждаемый товарищами за то, что он славу всей бригады присписывал себе одному, беспокоился больше о своих портретах в газете, нежели о новых производственных победах, одним словом, вел себя так, как будущие герои пьес «Кандидат партии» и «Точка опоры».

Где же новизна жизненного материала, что предопределяет художественные открытия и что придает произведению современное звучание? Никакие иные формальные изобретения не делают пьесу актуальной в подлинном смысле слова.

Сегодняшнее, конечно, углубляется в некоторых приметах и чертах «Точки опоры» (скорее в спектакле, нежели в пьесе), во взаимоотношениях героев, в отдельных образах. Авторской находкой, в частности, является образ предшественника, прозванного «Алло», — типичное олицетворение формальности, бездушная чинуша, для которого бюрократические параграфы важнее живых людей, что печется не о сущности дела, а о его показной стороне. Эта роль в исполнении актера В. Муравьева получила очень корректное и в то же время убийственное сатирическое истолкование. Подобные типы еще водятся среди нас и их осмеяние более чем полезно.

Пусть конфликт бригады и старого Шилова с Андреем (Л. Губанов) в какой-то мере отражает современную действительность, пусть решительное поведение Кати (Т. Лаврова) подчеркивает гордость и независимость нашей женщины, что, кстати сказать, весьма ощутительно доносится молодой актрисой, чье искусство проникнуто ясно выраженной интеллектуальностью. Эта черта дарования актрисы особенно бросается в глаза в спектакле «Юпитер смеется», где Лаврова впечатляюще раскрывает душевное целомудрие своей героини — врача Мари Меррей.

Но что, скажем, современного в психологическом облике Ольги — одиозной, покинутой женщиной (любимая тема драматурга), постигнувшей на счастье другой семьи? Ольга (Т. Кленова) свое обольщение Андрея мотивирует тем, что ей, видите ли, трудно жить одной с маленьким ребенком. Не отдал ли это мешавший расчетливости? В упомянутой пьесе А. Кронина «Юпитер смеется» жена владельца частной клиники Глазис тоже посягает на семейное счастье врача-новатора Вернера (кстати, и тут роль жертвы играет Т. Лаврова). Но делает это Глазис по зову большой женской страсти, а не из-за каких-то расчетов. В чем же моральное превосходство современной советской труженицы над буржуазной бездельницей, образ которой с большим тактом и изяществом обрисован артисткой Г. Калиновской?

Так, в спектакле о нашей современности не все персонажи выглядят подлинными современниками, людьми второй половины XX века, и это объясняется прежде всего, неопределенностью драматургического материала.

Есть свои противоречия и в самой постановке, осуществленной режиссером Г. Кониси в художником А. Васильевым. Словообразная «кадровость» пьесы, обилие наплывов, естественно, вносят свои осложнения в мизансценировку спектакля, в планирование сценической площадки. Отсюда, возможно, и вытекает характер оформления, лишнего, за исключением задника, традиционной иллюзорности. Декорации спектакля — это, преимущественно, ширмы, вся выгода которых состоит в том, что их можно быстро сдвигать и раздвигать и таким образом, легко обозначить места действия. Но условное оформ-

ление должно вытекать из всей природы спектакля, а ведь он в данном случае, сугубо реалистический. Пусть оформление спектакля будет поиском каких-то новых форм сценической изобразительности, но он, как и во в искусстве, должен быть обусловлен самым жизненным материалом, взятым в основу драматургического повествования, характером изображаемых в пьесе событий и людей.

В МХАТе киевляне увидели также значительно более старый спектакль — и по воспроизводимым социальным явлениям и по времени постановки. Речь идет о комедии Л. Толстого «Плоды просвещения», уже почти десять лет живущей на сцене театра.

В чем покоряющая сила этого спектакля, поставленного М. Кедровым и оформленного А. Васильевым? В исключительно сильном актерском ансамбле? Да. Роль — и главные, и эпизодические — исполняют тут такие признанные мастера МХАТа, как народные артисты СССР Ф. Шевченко, А. Зуева, А. Грибов, В. Ершов, В. Топорков, народные артисты РСФСР Л. Корнеева, Г. Конский, А. Комиссаров, Е. Хованская, В. Бенидина, Б. Петер, А. Кторов, В. Белокуров, Н. Свободин, В. Готовцев, В. Попов, А. Жильцов и др. В спектакле принимал участие немало других опытных актеров и способной молодежи — Г. Калиновская, А. Покровский, Л. Кошущко, Л. Топчнев, А. Шишков, И. Терешин. Воистину, редчайший по мастерству актерский ансамбль!

Можно было бы многое сказать о блестящей игре каждого из исполнителей. Чего стоит, например, холеричнейшее трио мужиков-хозяев по земельным делам, каждый из которых предельно правдив, живописен, своеобразен. У каждого свое лицо, своя натура, свой темперамент, будь это туманно и пустоно изысканный 1-й мужик (А. Грибов), зарвавшийся 2-й мужик (А. Жильцов) или недовольный 3-й мужик (А. Покровский). Все они — представители старой обездоленной, безземельной деревни, но какие они разные люди — и по повадкам, и по речи, по своему своему поведению. У каждого образа — своя тональность, свой сценический ритм.

А как глубоко надо постичь образ, чтобы по сути риторическую фигуру превратить в живое, действенное лицо, как это сделал В. Топорков с профессором Кругосветловым. А сколько неподдельного, породистого, можно сказать — потопленного барства в Звездичеве В. Ершова; сколько уморительной тупости в барине Толбухиной (Ф. Шевченко); сколько мизерности в бароне Кокко (А. Кторов), претенциозного нахальства в лавке Григории (В. Белокуров).

Но обо всех образах и исполнителях здесь не скажешь. Да и так ли уж важно еще раз поставить высокую отметку явно зарекомендовавшим себя художникам? Важнее указать на то особое, примечательное, что отличает спектакль в целом — очень стильный и очень гражданственный! От него действительно веет духом нашей современности, если под этим объявляющим словом разуметь глубокое проникновение в суть выявляемых исторических явлений, в основные противоречия и конфликты эпохи.

Музырену из Ясной Поляны в последнее время повезло, если может здесь идти речь о везении, а не о закономерностях. Два его драматургических шедевра — «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» получили новое сценическое прочтение в ведущих театрах страны — Малом и МХАТе. Обе толстовские пьесы зазвучали на всю мощь, во всей своей гениальности, а главное — свежо, по-новаторски, предстали в своем истинном свете. Очевидно, звучать по-новому, в унисон с голосом эпохи — привилегия великих талантов!

Как бы то ни было, духовная скудность и внутренняя убогость паразитического дворянства раскрыта так тонко и так остро саркастически, что более злой сатиры трудно придумать. Мощный реализм Толстого нашел ярчайшее сценическое воплощение, соответствующее современному историческому процессу.

Спектакль так социально заострен, что и бары и мужики порою кажутся даже некрасовскими.

Наша вкладывающая действительность оплодотворила работу михалочев о прошлом. Как хочется, чтобы и сегодняшнее заглянуло в их сцене так же глубоко и проникновенно.

Иосиф КИСЕЛЕЙ.